

НАТАЛЬЯ
ВЕСЕЛОВА

*Морзянка
из камеры
смертников*

Наталья Веселова

Морзянка из камеры смертников

«Автор»

2017

Веселова Н. А.

Морзянка из камеры смертников / Н. А. Веселова — «Автор»,
2017

Несчастливая любовь и предательство любимого человека — это ужасно? Может быть. Но страдающая от разбитой любви героиня неожиданно сталкивается с представителями той области человеческой жизни, про которую страшно думать, которую принято не замечать, — и бесстрашно кидается в этот незнакомый жуткий мир. Но и предательство ее возлюбленного тоже имеет обратную сторону...

© Веселова Н. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Наталья Веселова

Морзянка из камеры смертников

*Сердце мое смятется во мне
и боязнь смерти нападе на мя.
Страх и трепет приходи на мя
и покры мя тьма.*

Пс. 54, ст. 5-6

Глава 1

Диалектика правды и лжи

Дорогой друг Санька!

И когда ж ты, наконец, в вашей глуши появится надежный Интернет, – а главное, когда ты научишься – и захочешь! – им пользоваться? Сам подумай, скольким чадам ты мог бы помочь не медля, если б расстался с идеей-фикс о злокозненности всемирной Сети! Я же вот прекрасно освоился, хотя мы с тобой в одной песочнице жизни учиться начинали, – и злодеем не стал. Хм. Надеюсь. Хотя... Пишу на бумаге, конверт уже припасен, – и самому странно, будто на волю почтового голубя намереваюсь доверить это письмо, хотя и знаю, что дойдет как положено. Теперь, спустя полных полгода, я почти точно могу сказать, что выкарабкался. Твоими ли молитвами, стараниями ли Алены, усилиями ли коллег... А может, просто благодаря удачно выбранному для меня мамой тридцать с гаком лет назад институту: все-таки, когда обширный инфаркт долбанет именно врача, шансов уцелеть у него несколько больше, чем у простого смертного... Шучу. Для тех я тоже делаю все, что могу, ты знаешь: и дерзание, граничащее с дерзновением, применяю, и фантазию – нашу, российскую, исконную, без которой четверть больных перемерла бы еще на стадии приемного покоя... Здесь совесть моя чиста. Почти. Потому что, если дают, – беру, ты знаешь. Но сам никогда плату вперед не оговариваю, и даже если подозреваю грядущую осязательную мзду – не раболепствую, золотых швов не накладываю. То же и когда наоборот: вижу, что и пол-литра родной не поднесут, и сволочь у меня на столе лежит отменная – а клепаю и шью, как хорошего человека. Ладно, ладно, не хмурь брови: и сам знаю, что не мне судить.

Короче, Санек, я, наконец, на реабилитации – в отдельной палате с личным душем, сортиром и дополнительной койкой для неутомимой Алены, которая почти поселилась здесь, – и, честно говоря, иногда очень уж душно от ее неустанной заботы... Она все видит меня лежащим и беспомощным – а стало быть, находящимся в полной ее собственности, аки грудничок, – чуть ли не протертыми супчиками норовит меня с ложки кормить... Не ведает, бедная дура моя, что я от нее уже четыре раза в одних тапках по снегу сбегал на соседний рынок – благословенное место, только от запаха съестных павильонов можно в астрал выйти! – где то шаурму ядовитую на картонной тарелочке, то чебуреков горелых пяток, то шашлык перченого от души наворачивал. Планиет у меня несколько раз пыталась отобрать в десять вечера – дескать, переутомишься, миленький, – ну, тут уж я не выдержал и пригрозил, что если меру терпения моего, и без того близкую к краю, переполнит, то вообще запрещу персоналу ее пускать, пусть, как все порядочные жены, приемных часов дожидается... А утром, чуть проснусь – опять два тревожных глаза надо мной зависли – и вопрошают безмолвно, не собираюсь ли от чего-нибудь загнуться, выражая полную готовность немедленно спасти,

даже вопреки моему желанию... Так бы и стукнул, прости меня, Господи, козла неблагодарного. Просто не люблю я ее, Санек, хорошую такую...

Ладно. Не об этом я хотел вообще. Это – данность, теперь не вывернешься. Я последние полгода совсем о другом думаю. Я тут, под инфарктом лежа, как девка под насильником, ухитрился вылежать целую теорию, которой даже эффектное название дал: «Диалектика правды и лжи». Был бы философом в пиджаке и при воротничке с отогнутыми уголками да с хитрым галстуком – книгу бы написал, с примерами и отступлениями. Хотя, наверное, и без меня написал уже кто-нибудь приткий. А я просто скажу: самая страшная, самая опасная ложь – эта не та, что утверждает то, чего не было, или, наоборот, небывшее выдает за случившееся. А та, в которой по отдельности – только маленькие подлые правдочки, незыблемые факты, с которыми не поспоришь, – а собери их вместе – и получится одна грандиозная ложь. Смертоносная и безжалостная. Та, которая на корню губит, кроме солгавшего, – что еще и пусть бы! – всех, кого коснулась. Какой пример мне привести, чтобы именно тебе было понятно? Достаточно вспомнить дощечку, которую Пилат приказал прибить над Крестом: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». То-то старейшины всполошились – вели, мол, написать, что выдавал себя за Царя иудейского! Сколько правд здесь перемешалось – а главной, той, что Бог на Кресте том висел, – ее не было. Царь был? Конечно, из рода Давидова. А для старейшин (по официальной версии, хоть мнится мне, знали, Кого казнят, иначе не торопились бы так, да и другие сомнения имеются) – бродяга и богохульник, что и с их точки зрения, и с общественной тоже было вполне правдиво, да так и выглядело, собственно...

А уж в жизни, Санек... Мы же взрослые люди, нажившие каждый по нешуточному брюшку и по серой, что шерсть у дворового кобеля, бороде, – не по чину нам врать, как первоклашкам перед нахмурившей брови мамашей: не трогал я, дескать, того варенья, честное октябратское, само оно – того... себя съело. Поэтому мы осознанно говорим только проверенную правду – как позже учили вожатые, чтобы можно было беспорочно клясться «честным пионерским»... И как тридцать лет спустя, когда уже в другой школе – воскресной для взрослых, желающих креститься, – вдруг заново узнали, что лгать не есть хорошо. А правда – вот она, готовая и незыблемая: и отцами Церкви, и дядей Маяковским, что хорошо и что плохо, навеки расписано...

Спасибо, что приехал в те страшные, незабываемые дни. Ведь когда я дышать едва-едва начал, и ощущения недоумершего вампира от предусмотрительно воткнутого ему под ребра осинового кола чуть ослабели, то понял не только, что жив еще и слева сидит, как идеальная мать над больным ребенком, Алена, но и что совсем этим обстоятельствам не рад, потому что... жить не хочу.

Но, справа, потеснив Ангела-Хранителя, сидел ты – не круглоголовый питерский шкет из наших глубоких и гулких, мощных черным бульбжником дворов, не скромный хорошист с задней парты для непризнанных гениев – а понимающий сельский священник отец Александр, в меру строгий, веселый и пронизательный, чуть юродствующий и выпить не дурак (кстати, что Ольга-то твоя, вездесущая и всеведущая, как все матушки, – все так же по ночам тебя, пьяного, домой из гостей огородами гоняет?). Я не забыл и никогда не забуду той исповеди, про которую тогда уверен был, что она – последняя. Да, собственно, если помнишь, – исповедовался-то за меня ты, а я только испуганно моргал глазами – так, батюшка, так, грешен... Иногда, правда, смутно мелькало, что грешен не так, а по-другому, будто без отягчающих, – но еще усердней моргал на всякий случай: Саньку видней, его учили. Так и звучит до сих пор у меня в ушах твой добрый насмешливый голос, походя исключаящий меня из списка приличных людей: «Ну, чего, допрыгался, раб Божий? Долетался? До неба решил взлететь и там остаться? Ну, туда торопиться мы не будем... Потому что кто его знает, что там на самом деле ждет... Мы тут еще покопошимся маленечко... Да и с грузом таким можно не долететь – сверзиться... Вот, к примеру, ты чего, охальник, шесть лет с чужой женой

путался? Знал ведь, что прелюбодеи Царства Небесного не наследуют... Знал – а путался... Ну, ладно, так и быть, поженились, наконец, – хоть живите мирно, грех свой заглаживайте... А еще чего-нибудь по этому делу за последнее время было? Моргаешь – значит, было, да? Ох, грехи наши тяжкие, а этот и вовсе смертный... Надо же, наш пострел везде поспел – бес, что ли, в ребро сунулся? Эти мне блудницы вавилонские! А ты и не упирался, небось, шел, как телок на веревочке... Ну, ладно, раз помирать собрался, так что тут скажешь? Иди и не грехи – как Христос велел... И еще рукоблудствовал, поди, и на красоток-медсестер разжигался... Моргай-моргай, бесстыжий... Я ведь почему с самого неудобного начал: эти грехи ад наполняют, а уж остальные – постольку-поскольку... Но тебе хватит... Детей когда растил – на руку скор был, признавайся? С них спрашивал, но на воспитание времени жалел, на жену спихивал – не отрицаешь? На работе что – превозносился, конечно? Лучший хирург на свете, и руки твои... золотые? Хм, бриллиантовые – точно: мздоимствовал ведь, признавайся? Вот видишь, было дело. А еще осуждал всех, кого видел, за то, что грешат не по-твоему, и слова, что Мать-Богородицу оскорбляют, почем зря в людей кидал, даже не думая... И врал, когда надо и не надо, и от работы, когда мог, отлынивал, а если провинился чем, так искал, на кого свалить, да? А как гадость какую делал, – давай сразу себя оправдывать! – мол, ну, никак не обойтись было, – правильно говорю? И одежду носил с выбором, что получше, и пьянствовал, как... (ну, это ладно, тут у каждого своя мера, кхм... зато обжорствовал)... Что, моргаешь, сердечный? То-то и оно. На свой пол мужеский, надеюсь, похотливо не заглядывался? К экстрасенсам-гадалкам не ходил? Ну, да то дело бабье, а ты ведь врач, не должен, вроде... На столе никого не зарезал с бодуна или там по оплошности? Баб до абортот не доводил? Тарачишься? Ну, и слава Всевышнему: ты хоть не содомит, не вероотступник и не убийца. Э-хе-хе... Если еще чего вспомнил, про себя покайся, Господь простит. Ну, подставляй голову грешную... Господь и Бог наш Иисус Христос Своею благодатью и человеколюбием да простит ти, чадо Виктор, вся согрешения твоя. И аз, недостойный иерей, властью Его мне данной, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь».

Помнишь? Или для тебя это дело обычное? Я помню. Помню, как легко сразу стало, как далеко отодвинулась мимолетная мысль: «Неправда!!!», что четко мелькнула два раза посреди твоего вольного монолога, в котором неправды по определению быть не могло. Потом я прилежно и серьезно, как послушный ребенок, облизал маленькую ложечку, которой ты перед тем зачерпнул из нагрудного флакончика (забыл название) густую багровую каплю Чего-то непознаваемого и целительного, – и торжественно возлег на приподнятые подушки, все так же опутанный трубками, но уже другой, таинственно новый – и заснул неожиданно и беспробудно. Мне снился пыльный летний город с его будто припудренной скупой листвой, широкая полоса Невы зловещего цвета каленой стали; ржаво-рыжая бесконечность питерских крыши, за которые увядшей розой валится тяжелое июльское солнце; стаи суровых серых и черных котов; пророчески-страшный грай умных, почти как люди, ворон; затянутые плотными бельмами, но все равно зрячие и враждебные глаза измученных атлантов; лица разнообразных сфинксов, полные спокойного зла, – и ни одного человека, будто по планете пронесся последний мор. Я шел и знал, что умер, и мыкаться в одиночестве по этому великолепному адскому чертогу мне предстоит до века. Проснувшись, я позорно плакал и выдергивал острую, как шпиль Петропавловки, медицинскую сталь, понатыканную там и тут в мое жалкое голубоватое тело, и жалобно, по-стариковски заливался перед сонной некрасивой ординаторшей: «Я должен ее увидеть, поймите! Я не могу без нее!! Приведите ее ко мне!!!» – но это было все, что я мог произнести вслух по имевшимся правилам игры в правду. Она кивнула с усталым пониманием и вскоре доставила к скорбному ложу мою верную незаменимую Алену... Все встало на свои места, я был сильно и нежно наглажен по голове и ушам, как взбунтовавшийся пес, быстро и умело усмирен и утешен. Я больше не был ни виртуозным лжецом, ухит-

рившимся одним лишь подлым морганием соврать аж на предсмертной исповеди, ни гнусным предателем – а просто мелко психанувшим инфарктником.

Тебе до меня из Брянских лесов так просто не добраться, но к другому я с этим идти не хочу: как-никак, а ты в теме, все-таки. Прости, Санек, – или отец Александр, это уж как тебе больше нравится, – придется тебе прочитать эту небольшую рукопись о диалектике истины – больше никому.

Но сперва о привходящих обстоятельствах, иначе снова получится большой лживый паззл из маленьких правдивых фрагментов...

Глава 2

О рисках подслушивания

Ужасно, когда даже официантки тебя узнают и уже почти не прячут свое отвратительное любопытное сочувствие. Шалман не из дорогих и пафосных, а с претензией на домашность – того и гляди какая-нибудь из этих простых возрастных теток, осторожно, как на тумбочку болящей, ставя горячий френч-пресс на твой одинокий столик у окна, проронит как бы про себя: «Да бросьте вы убиваться – такая красивая... Да у вас таких еще будет – ...» – и махнет освободившейся рукой, эдаким длинным-предлинным махом, символизирующим грядущую долгую и счастливую жизнь. И в качестве утешительного бонуса подкинет лишний пластиковый кругляшок со сливками. А вдруг... (Виктория прекрасно понимала, что вот именно такого в жизни происходить не может, это было бы уже слишком, – но не могла отказать себе в удовольствии чуть-чуть пофантазировать.) А вдруг – он тоже приходит сюда, страдающий и потерянный, садится за тот же «их» неизменный столик и так же, как прежде, заказывает себе большую кружку кофе с молоком, но без сахара, и так же обреченно смотрит в огромное окно на постепенно оживающий к концу августа, мягко золотящийся город... Но приходят они в разные дни и часы – и официантки вот-вот решатся ради женской солидарности, которую никто не отменял, шепнуть об этом своей грустной посетительнице... А может, им плевать и они этого не сделают – тогда Виктория с Виктором, весьма сомнительные победители, останутся навеки в одном и том же месте, но в непересекающихся реальностях...

Чушь собачья. Никуда он не ходит. Живет себе преспокойно с той нормальной женщиной, на которой женился, – а этот его (наверняка же один из многочисленных!) краткий яркий роман с пациенткой был всего лишь последней быстрой походкой налево перед вторым брачным закабалением. Жаль, Юля уволилась из их больницы, а то бы рассказывала, как там дела у Виктора с этой его коллегой, как там ее, Алена, что ли... Нет уж, не жаль: хорошо, что махом отсекло – чик и все, а не по кусочкам. Вика даже решила сменить телефонный номер, перенесла все сопутствующие неприятности, – именно чтобы не ждать звонка. Какого-нибудь фантастического звонка на тему: «Я понял, что мне нужна только ты, приди в мои объятия!».

Самое ужасное заключалось в том, что Вика знала, что ощущение острого горя отпустит не скоро: ее цельная впечатлительная натура не позволяла весело переходить от одного увлечения к другому, и разбитое сердце могло оставаться таковым не один год, пока не стучалась в него внезапно новая страсть, – чтобы столь же глубоко и больно вонзиться в едва подживший рубец. Ей советовали вспоминать только счастливые, самые светлые моменты погибшей любви, но кому они были нужны теперь, когда их грубо и жестоко перечеркнули, продемонстрировали их фальшивость и конечную зрящность! Одно только воспоминание о последнем случайном столкновении с Виктором чего стоило... На той неделе Вика купила себе в утешение замечательные коричневые замшевые туфли с крупными причудливыми бантами и, надев под них тонкие колготки в тон, отправилась на Невский, чтоб выгулять обнову и заодно развеяться человеческим мельканием. Зашла и в Дом Книги приглядеть какой-нибудь продвинутый роман, который успешно приглядела и, прижимая к груди свою недешевую покупочку, ступила

на крутую лестницу, ведущую со второго беллетристического этажа на первый научный. Сделала один шаг – и увидела внизу плотно остриженную седеющую голову Виктора, его испуганно приподнятое лицо, охватила сверху мгновенным взглядом смешную раскоряченную позу человека, делающего, лунатически цепляясь за перила, первые шаги по высоким ступеням, идущим вверх... И сразу в темпе прокрутился в голове нехороший ролик: вот она от неожиданности оступается и беспомощной тушей гремит вниз по лестнице, сметая на пути людей и хватаясь за все подряд, а потом впечатляюще плюхается на площадку, по пути привычно подвернув ногу на высоком каблуке. «Спокойно! – успела приказать себе Вика. – Считать! Раз, два...» – три, четыре, пять – грозно чеканя шаг и неотрывно глядя на дивные замшевые банты своих быстро мелькающих туфель, она пронесла мимо его постепенно поднимающихся глаз свои полные, туго обтянутые колени, летнее ярко-синее пальто с красно-золотым жаккардовым узором и мнимо равнодушную, на совесть подстриженную и в солнечный цвет выкрашенную голову... Она не помнила, как выбралась на воздух, как постепенно вернулись временно отступившие дружелюбные звуки, как ударил по ноздрям, приводя в чувство, родной и сложный запах мегаполиса: тут тебе и водоросли вперемешку с соляжкой от канала Грибоедова, и бесконечные стада машин с их милым бензиновым дыханием, и обнадеживающая струя густого кофейного аромата... Полуобморок прошел. Она поковыляла в ненавистных уже туфлях вдоль набережной, где удалось удачно приткнуться немолодую проказливую девочку-«Шкоду», хлопнула дверцей, уронила голову на руль...

– Молодые люди, этот стол заказан. Может быть, вам в том уголке будет удобно? – близкий голос официанта, обращающегося к юной паре с осоловелыми от гормонов глазами, заставил Вику словно вынырнуть из-под воды.

– Да-да, это как раз я, наверное, заказывала! На пять часов! – звонко возникла рядом худенькая женщина в стильных дымчатых очках и с пышными, волос к волосу уложенными волосами. – Нас будет восемь человек, и я думаю, столик маловат... Вот если бы к нему другой такой же... или чуть поменьше...

– Сию минуту сделаем, – тотчас засуетился монументальный официант, опытным носом учуявший запах нешуточных чаевых.

– Годива! – послышался низкий женский голос, и его обладательница, высокая дама в каштановых локонах прошуршала нарядным платьем мимо Вики и бросилась, раскинув руки, к очкастой.

– Мирей, ты, что ли? – радостно отозвалась та, и женщины аккуратно обнялись прямо перед Викиным столиком.

«Что за имена такие дурацкие? – с неудовольствием подумала та. – Взрослые тетки, а гламурничают, как малолетки. Наверняка же – одна Галя, а другая Маша какая-нибудь или Марина... Дуры старые».

Манерные тетки между тем уселись за свой стол непосредственно за ее спиной, и абстрагироваться от их сорочьего шелканья уже не получалось:

– Кто еще обещал? Я только про Анжелину знаю точно, и Заюня, вроде, собиралась.

– Ну, Веруца еще... Лапушка с Нютой... Лапушка вся из себя довольная – стабилизировалась, вроде...

– Чудеса... Зло у нее уж до головы дошло, говорили... А что мужики – так-таки и ни одного?

– А что им наш курятник... Но Ланселот сказал, придет обязательно. Будет тут с нами сидеть, как султан в гареме.

– Да уж... Видать, дамский угодник был неслабый... Ну и сейчас – не потрогает, так хоть понюхает. А вообще, он герой, Годива. Такой герой, какой редко бывает. Его цыца ведь не больше, чем на восемь месяцев рассчитана, из них пять прошло, я специально посчитала... А он книгу писать задумал – про нас и вообще про все это...

- Может, пока писать будет, так и цыця заглохнет? Склонится перед силой?
- Дай-то Бог... Сама-то как?
- Как-как – как сбитый летчик...
- Да все мы тут сбитые летчики. Бак пробит, хвост горит, но машина летит...
- ...на честном слове и на одном крыле!

Это последнее они почти выкрикнули хором, и озадаченная Вика, невольно подслушивая и последовательно миновав стадии презрения, любопытства и искренней заинтересованности, шагнула на следующую – уважительного недопонимания. Тут происходило что-то настолько неординарное и серьезное, скрытое пока за кодовыми словами, понятными только посвященным, что поначалу собравшаяся немедленно заплатить и сбежать Вика невольно прислушалась, стремясь разгадать шифр невиданного ребуса. А там, позади, их было уже четверо: теряясь в догадках, Вика пропустила тихое присоединение еще двух женщин, судя по возгласам за столом – неких Веруцы и Лапушки.

– Мирей, я сейчас застрелюсь от зависти. На канекалон разорилась?

– Ну вот, кто о чем, а лысый о расческе. С Троицкого рынка он, просто новый. Я предпочитаю не трястись над одним драгоценным, а почаще задешево разнообразить свой неземной облик.

– Ой, девчонки, мне срочно... Что-то стома разбушевалась...

Мимо Викиного столика птицей пролетела изящная женская тень. «Что там у нее разбушевало? – недоумевала та. – А, вспомнила: "stomach" – это ведь "живот" по-английски! Тогда понятно... Только уж очень как-то заковыристо».

Но за столом продолжали:

– Чую, мне тоже пожизненная светит. Смотрю на Лапушку и обалдеваю: как ни в чем не бывало, бегают... Сроднилась, видно. А я оттягиваю, оттягиваю – пока в мозги не выстрелит.

– Ты, Веруца, стому не бойся – она хорошая. Она жить помогает. Я вот...

– Стоп, стоп, стоп, девушки! У меня рацпредложение! Давайте сегодня не будем об эм-тэ-эсах, катэшках и прочих вкусняшках... Давайте как люди...

– Вот именно – как... – прервал вдруг говорящую новый хрипловатый голос – и за столом сразу стало тихо-тихо.

«Что у них там за хрень происходит? – вздрогнула Вика. – Прямо инопланетяне какие-то...». С каждой минутой в ней усиливалось противоречивое, раздражающее чувство: одновременно страстно хотелось отгородиться, не слушать, не знать – и столь же непреодолимо тянуло немедленно проникнуть в заманчивую бездну тайны.

– Нюга-шестьдесят девять, королева пессимизма! – ожил тем временем соседний стол. – Нет уж, будем трепыхаться, бабоньки, – ведь еще спаржи не поели!

– Это поправимо, Годива-две семерки: сейчас закажем и можем закругляться со спокойной совестью... Эй, официант, как там тебя, имеется спаржа в меню? – отозвалась Нюга все с той же легкой хрипотцой.

«Ах, вот оно что! – озарило в эту минуту Вику. – Это форумчане! Обычное, собственно, дело: питерские активисты какого-то форума решили встретиться вживую! И зовут друг друга по никам, латинских букв ведь на слух не воспринимаешь...».

В эту минуту у соседей раздался восторженный рев – и Вика с полным правом обернулась: к столу приближался высокий мужчина с благородной посадкой и формой гладко выбритой головы и сдержанными манерами эмигранта первого поколения – он вел под руку фигуристую улыбающуюся даму – яркую брюнетку с задорной молодежной стрижкой и быстрыми веселыми глазами. В дружном гомоне удалось разобрать: «Ланселот!!!».

– Он самый, честь имею представиться. Для желающих – Арсений. Вот, по дороге захватил и доставил нашу любимую Заюню – рекомендую.

Заюня помахала рукой и представилась:

– Катя.

– Рита, Марина, Вера, Люся... – посыпалось из-за стола – и Ланселот принялся усердно целовать дамские ручки.

Вернулась Лапушка, оказавшаяся Леной, а Нюта осталась, как была, не пожелав превратиться в Анечку. Все рассаживались, оживленно обсуждая меню.

– Я уж по-нашему, по-космонавтски, – шутил, переворачивая страницы, Ланселот. – Суфле из крабов, пюре из брокколи... Ныне блендер – мой лучший друг.

– Да вы, гурман, поручик! – хихикнул кто-то.

– О, да, между трамадолом и промедолом! – согласился он. – Ну, милые дамы, кто за красное, кто за белое?

– И то правда, девочки! – сказала одна из женщин. – Я все колебалась, а теперь думаю: и так ливер уже, наверное, в темноте светится, так что вино для нас – просто слезы младенца...

За столом одобрительно загалдели, принялись наперебой терзать терпеливого официанта составляющими блюд, а полностью игнорируемая всеми Вика медленно холодела за их спинами. Она почти готова была догадаться – вернее, догадка уже сидела где-то неглубоко и рвалась в сопротивляющееся сознание. Промедол и этот второй, как его, – да, она знала, что это такое... Это полунаркотические обезболивающие, которые Виктор не стал назначать ей даже при ее свежем двойном переломе (она незаметно побаякала постепенно выздоравливающую руку), когда хотелось горько выть в недоступные небеса, – сказал, что с такой ерундой справятся два кубика анальгина! И справились... Это что же должна быть у этого Ланселота-Арсения за боль, если... Вдоль хребта будто сороконожка пробежала, откуда-то отчетливо повеяло влажной землей...

– Первый тост – за насущное! – торжественно провозгласил Арсений в полной тишине. – Долгой нам всем стабилизации! Легких химий!

– Ура, ура! – подхватили его сотрапезницы. – Чтоб всем нам настал полный и окончательный стабилиздец!

Дрожащими руками Вика отодвинула дребезжащую чашку; дыхание перехватило, и волосы отчетливо приподнялись. Позади нее беззаботно радовались полноте жизни петербургские блогеры с международного онкологического форума.

Глава 3

Нормальные герои

Она никогда со мной не выходила в так называемый «свет» – стеснялась: «В качестве кого я пойду?». Все мои попытки ненавязчиво растолковать, что в двадцать первом веке бояться жестокой участи Анны Карениной, по крайней мере, странно, ровно никак не отзывались в Алене. Она никогда ни о чем не спорила – просто улыбалась и молчала, сразу становясь олицетворением внутри направленной женской тихости: такие каменные стены я не штурмую, себе дороже. А вскоре мне как бы и по нраву пришелся наш глухой виртуальный бункер – когда даже на работе о нашей прочной связи коллеги целых шесть лет могли лишь догадываться. Ты – и то только после свадьбы узнал. Но, поскольку я из последних сил заставляю себя верить в «едино крещение во оставление грехов», то надеюсь, что хотя бы половина из этих лет мне – там – скостится. «Нашим» стал мой дом – то есть, та хилая однокомнатная фатерка в новостройке, что мне удалось выцарапать после развода. (Кратко о нем, чтоб не возвращаться: ты несколько раз видел первую мою жену – не хочу рефлекторной кислоты на языке при устном или письменном упоминании ее благозвучного имени – женщищу достойную, но непонятливую; она и на двадцать втором году супружеской жизни не смогла постичь тот неоспоримый факт, что ни один мужнин бравый перепахон на стороне не может быть достаточным поводом для «зеркальных мер», ведущих к варварскому крушению непотопляемого

семейного лайнера, – спасибо, хоть дождалась окончания института нашим умницей-сыном и свадьбы дурочки-дочки; ну, и хватит о ней... Чуть не написал: «Упокой, Господи, ее душу» – но нет, успел одуматься, в том смысле, что рановато еще, пусть поживет, сколько совесть позволит. Шуцу.) Так вот, о бункере: я, что называется, привык быть женатым и вовсе не против был бы немедленно с Аленой «выйти из сумрака», честно зарегистрировав наш перспективный брак, но... Пришла, видно, пора рассказать тебе о том, как я, «охальник, шесть лет с чужой женой путался», и почему прозвучал во мне первый немой вопль протеста во время нашей с тобой последней исповеди.

Короче, вот как дело было. Муж ее – звали Анатолий, и меня при звуке этого имени совсем не передергивает – работал в нашем же Гадюкино, только на гинекологии, и, кроме всего прочего, ради небольшой денежки на полставки дежурил по санавиации. Может, знаешь, что это такое: когда где-то в далекой области приключится БП (это, надеюсь объяснять не надо), а местная хирургическая или какая там еще бригада стоит вокруг стола помытая и в позе крайнего изумления, то туда срочно направляется на «скорой», если получится, а чаще на вертолете подмога: команда опытных профильных медиков. У них дежурства суточные в прямом смысле, с полуночи до полуночи. Я тоже одно время, когда детей тянуть надо было всерьез, так калымил – и ничего, знаешь, чаще всего деньги поступали по принципу «солдат спит, а служба идет». Если вызов – то не дальше Луги какой-нибудь, да и пока доберешься, в машине выпшишься, – а там больного уже своими силами вытянули... или не вытянули; матюгнешься – и в обратный путь. Так и Толик Аленин ездил – годами. Семья, казалось, крепкая, жили дружно, без особой романтики, пацана растили, как раз первый класс окончил. И вот однажды, за десять минут до конца дежурства – Алена на даче была, к приезду сынка с родителями дом намывала и борщ наваривала, а само-то дите у бабки с дедом припыхало – Толян звонит на мобильный: выезд-вылет в какую-то сельскую больницу далеко за Лодейным Полем, бригада в составе анестезиолога-реаниматолога, хирурга-травматолога и гинеколога; больная нетранспортабельна, даже до райцентра везти боятся. Ну, чего делать, нетбук (планишеты тогда еще в моду не вошли) в зубы – а ноги в руки, чай, не привыкать. Вниз спустился – уже машина с коллегами подъезжает, внутрь залез – и ахнул: наш Костик-хирург, нажратый до четвертой стадии, мешком на носилках лежит, реаниматолог над ним только головой качает. В воздушное судно Костика, как известного коллегу его, Женю Лукашина, вдвоем погрузили, а ближе к Лодейному Полю зенки он от тряски продрал и прогундосил – простите, мол, други, однокурсник вечером из Владика прилетел, как откажешь; думал, пронесет, да вишь, как вышло... – и опять в несознательность. Больница в деревне не больница оказалась, а дощатый барак с пятью лампочками, в операционной – испуганные фельдшерица с интернишей друг к дружке жмутся, дрожащими руками по очереди капельницы перезаряжают. «Три литра крови перелили, – шепчут, а у самих глаза по юбилейному рублю. – Хорошо хоть, у нас тут первой группы запас оказался... А у нее какая, даже и не знаем – откуда...». Реаниматолог Костика головой в ведро с колодезной водой макнул раза три, совместными усилиями помыли кое-как – и к столу пинками. Фельдшерица простыню откинула – а там почти, то же, что в свое время предстало перед булгаковским доктором Бомгардом¹

¹ Главный герой цикла рассказов М. Булгакова «Записки юного врача»; рассказ «Полотенце с петухом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.